

Литрес ≡ Классика

Артур Конан Дойль

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Артур Конан Дойл
Красное по белому
(Этюд в багровых тонах)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73801113

Красное по белому (Этюд в багровых тонах) / Артур Конан Дойль:

Литрес Классика; Москва; 2026

Содержание

Часть первая	5
I. Шерлок Холмс	5
II. Глава, из которой читатель увидит, что дедукция может сделаться настоящей наукой	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Артур Конан Дойль
Красное по белому
(Этюд в багровых тонах)

© Литрес Классика, 2026

Часть первая
Личные воспоминания Джона
Ватсона, отставного старшего
врача английской армии

I. Шерлок Холмс

Это было в 1878 году, когда я защитил при Лондонском университете свою диссертацию на степень доктора медицины. Пополнив мои познания в Нетлей (что необходимо для желающих делать карьеру военного врача), я поступил старшим помощником военного врача в пятый стрелковый Нортумберландский полк. Полк этот находился в то время в [Индии](#), и, прежде нежели я успел присоединиться к нему, началась [вторая война с Афганистаном](#). Высадившись в [Бомбее](#), я узнал, что мой полк уже перешел границу и находится в самом сердце неприятельской страны. Я присоединился к нескольким офицерам, которые были в таком же положении, как и я, и мы вскоре благополучно достигли города [Кандагара](#). Там я нашел мой полк и немедленно же приступил к отправлению своих обязанностей. Для большинства участников кампании война представлялась в виде повышений и чинов, а на мою долю выпадали одни горести и болезни. Перемена должности заставила меня отправиться в Беркширский полк, с которым я и принял участие в [роковой схватке при Мэйванде](#). Я был ранен в плечо осколком ядра. У меня раздробило ключицу, повредило соседние артерии, и, истекая кровью, я неминуемо попал бы в руки [жестоких врагов](#), если бы не самоотвержение моего денщика Мюрайя. Он подхватил меня на руки, затем перекинул поперек седла пойманной им свободной лошади и доставил на английский перевязочный пункт.

Измученный невыносимой болью, сильно ослабевший от различного рода лишений и неудобств военной жизни, я был отправлен в поезде для раненых в госпиталь в [Пешавэре](#). Здесь я почувствовал себя значительно лучше и даже вскоре был в состоянии не только прогуливаться по палате, но и выходить на солнышко, на веранду. Но меня постигло новое горе. Я схватил [болотную лихорадку](#), этот бич [индийских владений](#). Несколько месяцев я провел между жизнью и смертью. Наконец я почувствовал себя несколько лучше, и доктора решили отправить меня на родину в Англию. Я взял место на [транспортном судне «Оронт»](#) и спустя месяц уже высаживался в [Портсмуте](#). Здоровье мое было навсегда подорвано. Благодаря отеческому отношению ко мне моего правительства я получил девятимесячный отпуск и в течение этого времени мог заняться восстановлением потерянных сил.

Не имея ни пристанища, ни дела, я был свободен как воздух, или, вернее, я был свободен как тот, кто имеет всего-навсего пять рублей семьдесят пять копеек дохода ежедневно. И конечно, меня потянуло в [Лондон](#), в это обширнейшееместилище, куда несутся бесчисленные волны людские со всех сторон [Англии](#), куда стремится всякий, не имеющий ни определенного занятия, ни намеченной цели.

На первых порах я нанял себе комнату в маленькой гостинице на [Странде](#) и некоторое время жил там, ведя совершенно бездеятельную и однообразную жизнь, стараясь эко-

номить изо всех сил. Вскоре состояние моих финансов начало беспокоить меня. Я встал перед выбором: или уехать куда-нибудь в глухую провинцию и там прозябать и скучать, или совершенно изменить образ жизни. Я выбрал второе и для начала решил перебраться из гостиницы на квартиру.

В тот день, когда я принял такое решение, проходя по улице, я вдруг почувствовал, как чья-то рука легла ко мне на плечо. Обернувшись, я увидел юного Стэмфорда – моего помощника, когда я еще служил в [госпитале в Барте](#). Для человека, находящегося в оглушительном водовороте Лондона, почитающего себя совершенно беспомощным и одиноким, один вид знакомого лица действует уже ободряюще. Прежде мои отношения к Стэмфорду никогда не были особенно близки, я не мог его назвать своим другом, но теперь я приветствовал его как брата, и он со своей стороны также казался в восхищении от встречи со мною. В порыве радостного чувства я пригласил его позавтракать к [Гольборну](#), и через секунду мы уже усаживались с ним в нанятый мною фиакр.

В то время когда мы катили к ресторану, Стэмфорд всматривался в мое лицо и не мог скрыть изумления.

– Что за чертову жизнь вы вели за последнее время, Ватсон? – спросил он меня наконец. – Вы исхудали, точно Кошфей Бессмертный и черны, как галка.

Я передал ему в нескольких словах последние события моей жизни. Как раз в это время экипаж остановился у две-

рей ресторана.

– Бедный малый! – сочувственно произнес Стэмфорд. – Ну а теперь вы что делаете?

– В настоящее время я ищу квартиру, то есть стараюсь разрешить трудную загадку, а именно: мне надо более-менее комфортабельное помещение и за недорогую плату.

– Странно, – пробормотал мой собеседник, – вот уже второй раз сегодня я слышу совершенно одни и те же слова от двух разных лиц.

– Кто же другое лицо?

– Молодой человек, занимающийся изучением химии в лаборатории. Сегодня он жаловался мне, что не может найти товарища, чтобы снять вместе хорошенькую квартиру, которую он высмотрел и слишком дорогую для него одного.

– Господи! – воскликнул я. – Если он ищет действительно кого-нибудь, кто пожелал бы разделить с ним квартиру и плату за нее, то я к его услугам. Я предпочитаю жить с товарищем, нежели один.

Стэмфорд поднял глаза от своего стакана и посмотрел на меня странным взглядом.

– Вы еще не знаете Шерлока Холмса. Может быть, вы не пожелаете иметь его постоянным своим товарищем?

– Почему нет? Разве его можно в чем-нибудь упрекнуть?

– О, я не хотел сказать ничего подобного. Но только он небольшой чудак, страшный фанатик по части некоторых явлений и наук. Но, насколько я его знаю, это прекрасный

парень.

– Студент-медик, без сомнения?

– Нет, и я даже не имею ни малейшего понятия о том, что он из себя представляет. Говорят, он очень силен в анатомии и в химии, но я прекрасно знаю, что он никогда не проходил медицинского курса. Он занимался науками крайне нескладно, даже, можно сказать, эксцентрично. Не обращая внимания на те науки, которые большинство людей старается изучить, он изучает совершенно другие и изучает так, что мог бы удивить профессоров.

– Вы никогда не спрашивали его, к какой карьере он себя готовит?

– Конечно нет, потому что это не такой человек, которого можно заставить говорить о себе. Хотя бывают случаи, когда ему приходит фантазия быть очень экспансивным и разговорчивым.

– Я был бы очень рад встретиться с ним, – сказал я, – если мне приходится жить с кем-нибудь, я предпочитаю, чтобы это был человек занятой и спокойный в своих привычках. Я, как видите сами, еще не настолько окреп здоровьем, чтобы легко переносить шум и волнения. Всего этого я имел достаточно в Афганистане, на мой век хватит. Когда же я могу познакомиться с вашим другом?

– Он, вероятно, находится в лаборатории, – ответил Стэмфорд. – Бывает, что он там работает целые дни и ночи, но бывает и так, что он туда носа не кажет в течение нескольких

недель. Если хотите, то мы после завтрака найдем экипаж и отправимся туда.

– Отлично, – ответил я.

И мы заговорили о другом. Во время переезда в госпиталь Стэмфорд сообщил мне еще некоторые сведения о моем будущем сожителе.

– Не будьте на меня в претензии, – сказал он, – если не сойдется с ним. Я его мало знаю и встречал только несколько раз в лаборатории. Идея поселиться с ним вместе пришла ведь вам, и вы поэтому не делайте меня ответственным за последствия.

– Если мы с ним не уживемся, – ответил я, – то нам будет нетрудно расстаться. Но, Стэмфорд, – прибавил я, пристально глядя на него, – мне кажется, что у вас есть особенные причины, что вы умываете руки наперед. Скажите, в характере моего будущего товарища действительно есть нечто, чего следует опасаться? Говорите откровенно, не будьте таким скрытным!

Стэмфорд расхохотался.

– Дело в том, что чрезвычайно трудно объяснить необъяснимую вещь, – сказал он. – Холмс, на мой взгляд, уж слишком тождествен с самой наукой, он сливается с нею, и вследствие этого, быть может, он и относится совершенно равнодушно ко всему остальному. И я думаю, что он был бы в состоянии испробовать на своем друге какой-нибудь только что открытый им яд не по злобе, а попросту, чтобы просле-

дить его действие. Но, чтобы быть справедливым, я должен прибавить, – и это мое искреннее убеждение, – что он совершенно так же способен и сам подвергнуться добровольному подобному же испытанию. Он с каким-то бешенством старается углубить науку, за которую принимается, и свои познания заключить в известные, математические точные формулы.

– Я нахожу, что он прав.

– Согласен, но таким образом можно дойти и до крайностей. Может, например, показаться очень странным, если кто-нибудь возьмет палку и начнет колотить препарированные части, находящиеся на анатомическом столе.

– Что вы говорите!

– Чистую правду. Он сделал подобную вещь однажды. Я видел собственными глазами. Кажется, он хотел знать, как действуют на труп удары палкой.

– Но ведь вы говорите, что он студент-медик?

– Нет. Один Бог знает цель его занятий и изучений. Но вот мы и прибыли, и вы можете сами составить о нем какое угодно мнение.

Беседуя таким образом, мы повернули в переулок и прошли в маленькую дверь, находившуюся в боковом корпусе госпиталя.

Обстановка госпиталя не была чужда мне, и я не нуждался в проводнике, чтобы ориентироваться и найти дорогу. Я поднялся по широким каменным ступеням, от которых

веяло холодом, и пошел по коридору с белыми стенами и открывающимися налево и направо дверями, выкрашенными в темную краску. К коридору примыкал низенький сводчатый проход, ведущий в лабораторию. Это была громадная и очень высокая комната, сверху донизу заставленная флаконами и бутылками внушительных размеров. Широкие и низкие столы были расставлены по всей комнате там и сям, без всякого порядка. Реторты, ступки и бензиновые лампочки, на которых вспыхивало голубоватое пламя, сплошь загромождали все столы.

В глубине зала, наклонившись над столом и весь углубленный в свои занятия, сидел молодой человек. При шуме наших шагов он быстро поднял голову и бросился к нам, испустив восклицание триумфа и подсовывая под нос моего спутника стеклянную ступку.

– Вот он, вот он, единственный во всем мире реактив, который осаждает гемоглобин! Я нашел его! – воскликнул он.

И если бы он открыл залежи золотого песка, то вряд ли был бы более счастлив, нежели в настоящую минуту.

– Доктор Ватсон, Шерлок Холмс, – произнес Стэмфорд, представляя нас друг другу.

– Как поживаете? – приветливо сказал мне Шерлок Холмс, пожимая мою руку с силой, которой нельзя было подозревать в нем на первый взгляд. – Вы, я вижу, возвращаетесь из Афганистана.

– Каким образом вы можете знать? – совершенно ошелом-

ленный, воскликнул я.

– Ну, это все равно! – ответил он, улыбаясь своим мыслям. – В настоящую минуту меня более всего занимает гемоглобин и его реактив. Надеюсь, что вы понимаете все громадное значение моего открытия?

– Несомненно, что это открытие очень полезно и важно в области химии, но с практической точки зрения...

– Как! Да ведь это именно такое открытие, которое принесет громадную пользу в практической жизни! Подобного ему не было сделано в течение уже многих, многих лет. Разве вы не понимаете, что при помощи этого реактива мы будем безошибочно распознавать пятна, сделанные человеческой кровью? Подите-ка сюда! – и в порыве радости и нетерпения он схватил меня за рукав и потащил к столу, за которым занимался. – Добудем сначала немного свежей крови...

Проговорив это, он сделал ланцетом разрез на своем пальце и взял каплю крови в тоненькую стеклянную трубку.

– А теперь я опущу эту каплю крови в литр воды, – продолжал он. – Заметьте, что вода сохранила совершенно такой же вид, какой имела и раньше. Кровь не составляет и миллионной части ее, и все-таки я не сомневаюсь, что при помощи моего реактива мы получим осадок.

Говоря таким образом, он опустил сначала в сосуд несколько прозрачных кристалликов, а затем влил туда же немного какой-то бесцветной жидкости. В один момент вся вода приняла цвет потемневшего красного дерева, а на дне

сосуда появился коричневатый осадок.

– Ха! Ха! – восклицал Холмс, хлопая в ладоши с видом ребенка, которому предложили новую игрушку. – Что вы думаете об этом?

– Думаю, что этот реактив редкой чувствительности, – заметил я.

– Чудесный реактив! Прямо чудесный! Получали и прежде осадок при помощи бакаута, но он очень слабый и несовершенный. Точно такой же слабый результат получался и от исследований кровавой капли под микроскопом, потому что состав крови сильно изменялся уже через несколько часов. А мое средство производит реакцию одинаково хорошо как свежей, так и старой, запекшейся крови. О! Если бы это открытие было сделано раньше, многие и многие сотни людей, совершивших преступления и спокойно разгуливающих теперь по белу свету, понесли бы заслуженное наказание.

– Вероятно, – пробормотал я.

– Ну да, конечно. Мы подошли к главной точке, на которую опирается в большинстве случаев искусство юридических расследований. Бывает так: человек совершил преступление, и только по истечении нескольких месяцев после его совершения на него падает подозрение. Осматривают его платье, белье, находят на них темные пятна; откуда они? Суть ли это пятна грязи, крови, ржавчины или попросту фруктового сока? На этом срезался не один эксперт, а

почему? Потому что мы не имели в руках реактива, который бы действовал безошибочно. Но теперь у нас есть реактив Шерлока Холмса, и неизвестности нет более места.

Он говорил это с глазами, сверкающими, как уголь, а затем, окончив свою маленькую речь, приложил руку к сердцу и поклонился, как будто стоял перед многочисленной публикой и благодарил за аплодисменты.

– Поздравляю вас, – сказал я, невольно поддаваясь его искреннему восторгу.

– Не имели ли мы в прошлом году замечательного дела Ришоф де [Франфора](#)? Его повесили бы непременно, если бы мой реактив был открыт в то время. А Массон из [Брандфорда](#)? А знаменитый Мюллер, а Лефевр и [Монпелье](#)? А Самсон из [Нового Орлеана](#)?.. Да я мог бы вам перечислить еще с двадцать совершенно аналогичных случаев.

– Вы точно живой список всех преступлений! – смеясь, воскликнул Стэмфорд. – Отчего вы не отпечатаете справочный календарь под названием «Альманах преступлений»?

– Это было бы очень интересно, – пробормотал Шерлок Холмс, заклеивая кусочком пластыря то место на своем пальце, где он сделал разрез ланцетом.

– Я должен принимать меры предосторожности, – смеясь, сказал он мне, – потому что мне приходится постоянно возиться с ядами.

Я взглянул на его руки и увидел, что пальцы во многих местах были покрыты такими же кусочками пластыря и обо-

жжены ядовитыми кислотами.

– Но дело не в этом, – сказал Стэмфорд, садясь на скамейку и подталкивая меня другою ногой. – Мы пришли сюда, чтобы поговорить о серьезном деле. Мой друг, стоящий перед вами, ищет квартиру. Я слышал от вас, что вы не можете найти товарища для совместного жительства, и думаю, что сделаю благо вам обоим, сведя вас.

Шерлок Холмс казался очень обрадованным возможностью поселиться со мною вместе и воскликнул:

– У меня есть квартирka в виду, на [Бэкер-стрите](#), которая нам подошла бы как раз впору. Надеюсь, что вы переносите запах очень крепкого табаку?

– Я сам курю матросскую махорку, – ответил я.

– Отлично. Предупреждаю вас еще, что я вечно окружен химическими веществами и по временам произвожу опыты. Подходит вам это?

– Совершенно.

– Постойте, я подумаю еще, какие у меня недостатки... Да! Мне случается впадать в мрачную хандру, которая длится по нескольку дней, в течение которых я не раскрываю рта. Поэтому не следует думать в это время, что я дуюсь. Меня надо только оставить в покое на это время, и я быстро возвращаюсь к обычному состоянию. Ну а теперь ваша очередь делать признания. Гораздо лучше для людей, собирающихся жить вместе, чтобы они знали привычки и недостатки друг друга.

Я невольно улыбнулся.

– У меня есть маленькая собачка, – начал я мою исповедь, – потом я был очень болен недавно, вследствие чего нервы у меня расстроены, и я не выношу шума и гама. Встаю я очень поздно, до смешного поздно, и ленив я чертовски. Когда я буду совершенно здоров, у меня явятся, конечно, другие недостатки, но в настоящее время их у меня больше того, что я сказал уже, нет.

– Говоря, что вы не выносите гама, вы не хотите сказать, что не выносите игры на скрипке? – с беспокойством спросил Холмс.

– Это зависит от исполнения, – ответил я. – Хорошая игра на скрипке доставляет мне громадное удовольствие, но если вместо игры я слышу пиликанье...

– В таком случае отлично! – весело воскликнул он. – Наше дело в шляпе, если квартира вам понравится, конечно.

– Когда мы можем ее осмотреть?

– Приходите за мной сюда завтра после двенадцати часов, и мы отправимся вместе.

– Согласен. Итак, до свидания. Завтра в указанное время я буду здесь, – сказал я, пожимая его руку.

Шерлок Холмс отошел от нас и снова погрузился в свои занятия, а мы вышли из госпиталя и пошли по направлению к моей гостинице.

– Кстати, – сказал я, обращаясь к Стэмфорду, – какой чорт мог ему сказать, что я вернулся недавно из Афганистана?

Стэмфорд загадочно улыбнулся.

– Это одна из его странностей, – сказал он. – Многие удивляются его способности угадывать массу вещей с первого же взгляда.

– О! Тут, значит, кроется тайна! – воскликнул я, с удовольствием потирая руки. – Это становится интересным. Я вам бесконечно благодарен за знакомство с подобным субъектом. Кто желает знать человечество, тот должен постепенно изучать разные личности отдельно.

– Ну и поизучайте эту личность, – сказал Стэмфорд, прощаясь со мною. – Но я должен вас предупредить, что в лице Шерлока Холмса вы натолкнетесь на загадку, которую вам трудно будет разобрать. И я готов поддержать пари, что он, пока вы только еще приступите к изучению его характера, будет знать вас самих вдоль и поперек. А затем – до свиданья.

– До свиданья! – ответил я и пошел снова прогуливаться по улицам Лондона, сильно заинтересованный своим новым знакомством.

II. Глава, из которой читатель увидит, что дедукция может сделаться настоящей наукой

На другой день, в указанное время, я и Шерлок Холмс отправились на Бэкер-стрит, чтобы осмотреть намеченную квартиру. Она состояла из двух комнат поменьше, но очень комфортабельных и из большой гостиной, высокой, с массой света, льющегося через два широкие окна, и обставленной прекрасной мебелью. Общее впечатление было такое приятное и цена, принимая во внимание, что мы платили пополам, такая подходящая, что мы тотчас же порешили дело. В тот же вечер я, сгорая от нетерпения поместиться покомфортабельнее, перевез в новое жилище из гостиницы все свои вещи, а на другой день утром явился и Шерлок Холмс в сопровождении довольно большого числа ящиков и сундуков. Два или три дня мы были заняты тем, что расставляли и развешивали все имеющиеся у нас вещи и украшения, стараясь поместить каждую вещь таким образом, чтобы она выигрывала как можно больше.

После этих предварительных хлопот мы почувствовали, что находимся дома, и начали понемногу осваиваться со своим новым помещением.

Холмс оказался действительно очень покладистым чело-

веком, ужиться с которым не представляло никакого труда. Он был очень покоен в своих привычках и крайне аккуратен. Ложился он редко позже десяти часов, и когда я на другой день поднимался с постели, то никогда уже не заставал его дома. Он завтракал один и тотчас же куда-то исчезал. Иногда он проводил целые дни то в лаборатории, то в анатомическом зале, иногда он совершал длинные прогулки, причем неизменно выбирал самые отдаленные, самые бедные улицы. Никакими словами невозможно было описать его необычайные деятельности и энергии, когда он находился в возбужденном состоянии. Но после нескольких таких дней наступала реакция, и он целую неделю с утра до ночи лежал, растянувшись на диване, и буквально не произнося ни одного слова, ни двигая ни одним членом. В эти дни выражение его глаз было до такой степени мечтательным и как бы не от мира сего, что я мог бы заподозрить, что он употребляет какие-нибудь сильные наркотические средства. Но, зная его трезвые привычки и совершенно порядочный образ жизни, я не решался допустить ничего подобного.

Недели шли за неделями, и мое любопытство возросло до крайних пределов. Особенно меня интриговали его занятия и цель, которую он преследует в своей жизни. Самая наружность Холмса была такова, что невольно останавливала внимание даже самого ненаблюдательного человека. Он был очень высок ростом и так худ, что это еще более увеличивало его рост. Его глаза были блестящи и проницательны,

за исключением дней столбняка, о которых я говорил выше. Нос его, тонкий и сильно горбатый, придавал ему вид хищной птицы. Все его лицо носило выражение решительности и необычайной проницательности. Широкий подбородок также свидетельствовал о необыкновенной силе воли и настойчивости. Его руки были вечно покрыты чернильными пятнами и обожжены химическими кислотами, что было очень странно при той ловкости, с какой он обращался с хрупкими принадлежностями химической лаборатории.

Рискуя показаться читателю любопытным, как старая баба, я все-таки должен сознаться, что Шерлок Холмс возбуждал мое любопытство до крайних пределов. Многократно, но и бесплодно пытался я проникнуть в тайну, которой он окружал себя. Как единственное оправдание себе, я должен привести тот факт, что в то время моя собственная жизнь была лишена всякого интереса. К тому же состояние моего здоровья позволяло мне выходить на прогулку только в исключительно благоприятную погоду. У меня не было ни друзей, ни знакомых, которые могли бы прийти навестить меня и оживить таким образом однообразное течение дней и часов, становившееся для меня все тягостнее и тягостнее. И поэтому нет ничего удивительного в том, что я с жадностью набросился на возможность приподнять завесу таинственности, за которой скрывался мой новый товарищ.

Несомненно для меня было одно: он не изучал медицины. Однажды даже я прямо спросил его самого об этом, и

он подтвердил мои заключения. Да и вообще его чтения и занятия носили крайне беспорядочный характер. Работал он без системы, порывами, и трудно было заключить, какую из отраслей знания он изучает. Но усидчивость и усердие, с которыми он занимался некоторыми предметами, были поистине велики. Его замечания в области той или другой отрасли знания поражали меня своей глубиной и верностью. «Конечно, – думал я, – никто не станет таким образом изучать специальные науки, не имея определенной цели ввиду. Многие массу читают, изучают, многим интересуются, но в конце концов бывают не в состоянии даже приблизительно резюмировать прочитанное. К тому же кому охота отягощать свой мозг такой массой второстепенных знаний, не рассчитывая утилизировать их впоследствии?»

Удивительнее всего было то, что в некоторых вещах он был положительный невежда. Его знакомство с отечественной литературой, политикой и философией сводилось к нулю. Однажды я при нем процитировал что-то из [Карлейля](#). Шерлок самым искренним тоном спросил меня, кто такой Карлейль и чем он занимается. Но изумление мое достигло крайних пределов, когда однажды совершенно случайно я открыл, что он совершенно не знаком с [теорией Коперника](#) и не имеет ни малейшего понятия о Солнечной системе. Я совершенно не мог понять того, каким образом в половине девятнадцатого века мог существовать человек, не знающий, что Земля вращается вокруг Солнца.

– Вы удивлены? – спросил он меня с улыбкой. – Но будьте покойны, теперь, когда я знаю теорию Коперника, я постараюсь забыть про нее как можно скорее.

– Забыть?

– Вы сейчас поймете почему. В первые годы существования мира человеческий ум представляется мне в виде пустой мансарды, которую всякий может меблировать по своему вкусу и усмотрению. И если владелец мансарды окажется глупцом, то он загородит ее массой вещей совершенно лишних, а те, которые ему могли бы понадобиться, окажутся в куче за дверью. Или, даже если он и найдет возможность втащить их внутрь, то он до такой степени перепутает их с разным хламом, что никогда не найдет их в нужную минуту. Если хозяином окажется умный человек и ремесленник вдобавок, то он отнесется к этому делу с большим старанием. Он не поставит в комнате ничего, кроме вещей, которые ему необходимы в его ремесле. И эти-то необходимые ему вещи он разместит в строгом порядке и каждую в надлежащем месте. Ошибочно думают, что маленькая мансарда, о которой я говорю, обладает эластичными стенами, которые могут растягиваться по желанию. Верьте мне, что наступит, наконец, такое время, когда для того, чтобы запомнить одно, вы должны будете выбросить из памяти другое. Поэтому крайне необходимо не загромождать бесполезно ваш чердак, чтобы не стеснять его в то время, когда он должен будет вам послужить.

– Но Солнечная система... – запротестовал было я.

– На кой черт она мне нужна! – воскликнул он с нетерпением. – Вы говорите, что Земля вертится вокруг Солнца; пусть она вертится и вокруг Луны, если это ей доставит удовольствие. А мне наплевать на нее! Мои занятия нисколько не пострадают от этого.

Чуть-чуть я не спросил его, в чем же, собственно, состоят его занятия, но, взглянув на него, я понял, что мой вопрос будет несвоевременным. Но этот разговор заставил меня все-таки размышлять и сделать несколько заключений. Ведь он сказал, что избегает всяких знаний, которые не могут служить ему для достижения намеченной цели. Я перечислил в памяти те отрасли знаний, в которых он казался мне особенно сильным, и даже, взявши карандашик, составил следующий список:

СПИСОК ЗНАНИЙ ШЕРЛОКА ХОЛМСА.

1. Литература – полное незнание.
2. Философия – тоже.
3. Астрономия – тоже.
4. Политика. Знания крайне ограниченные.
5. Ботаника. Знания колеблющиеся. Он очень силен во всем, что касается белладонны, опиума и сильных ядов вообще. Совершенный невежда в знании хлебных злаков и овощей.
6. Геология. Знания заключены в строгую систему. Прекрасно различает с первого взгляда земляные наслоения. Ча-

сто показывает мне после своих прогулок различные пятна грязи на своем платье и объясняет, каким образом он распознает по цвету этих пятен, в какой части Лондона они были сделаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.